

Оправившись от эмоционального напора Наньгун Сяосяо, Цинь Чжаочжао почувствовала непривычную физическую и душевную усталость. Наконец-то старшая наставница оставила попытки сделать её своей младшей ученицей, однако интерес к её музыкальным инструментам никуда не делся.

Чтобы в будущем избежать новых шокирующих заявлений со стороны Наньгун Сяосяо, Цинь Чжаочжао набросала для неё эскиз скрипки, объяснив, что это инструмент из её родных краёв — маленький, изящный и невероятно элегантный в исполнении.

Наньгун Сяосяо залилась звонким смехом, и её глаза превратились в узкие полумесяцы:

— Я найду первоклассную древесину сынань и попрошу старого Ци выковать мне такую же! Хи-хи-хи... А потом буду докучать тебе просьбами научить меня играть, — она похлопала Цинь Чжаочжао по плечу.

Улыбка Цинь Чжаочжао уже почти застыла, она совершенно не знала, как реагировать на такой напор, но решила, что сейчас главное — просто отвязаться.

— Хорошо, старшая сестра, без проблем, — поспешно ответила она.

Возможно, из-за того, что Цинь Чжаочжао согласилась, Наньгун Сяосяо пришла в восторг, хотя и смогла взять себя в руки. Не выказывая ни капли смущения, она вдруг словно что-то вспомнила и протянула Цинь Чжаочжао пипу. Девушка остолбенела. Что это за штука... Зачем мне пипа? Я ведь не уличная артистка.

Заметив замешательство на лице Цинь Чжаочжао, Наньгун Сяосяо с улыбкой пояснила:

— Это мой подарок тебе. Пипа Цзяовэй, я нашла её в одном тайном месте. Я умею на ней играть, но всегда чувствовала, что чего-то не хватает, какой-то глубины. Младшая сестра, ты умеешь играть на пипе?

Цинь Чжаочжао кивнула. Она действительно немного умела: музыкальные инструменты во многом схожи, а благодаря отличной памяти и дружбе с преподавателем по пипе, когда сама подрабатывала репетитором по гитаре, она освоила азы.

Наньгун Сяосяо радостно кивнула:

— Тогда попробуй сыграть что-нибудь прямо сейчас?

Цинь Чжаочжао посмотрела на неё:

— Я знаю лишь основы, и не факт, что в моих руках этот инструмент зазвучит по-настоящему

ярко, старшая сестра.

— Пустяки, просто играй. Мне не нужно, чтобы ты исполняла божественную музыку, она даже просто в руках смотрится прекрасно, — Наньгун Сяосяо ласково взъерошила ей волосы.

Цинь Чжаочжао опустила взгляд на пипу. На ней были вырезаны узоры из облаков и журавлей — изящно, необычно, и, судя по всему, стоило целое состояние.

Раз уж старшая сестра настаивает, она решила попробовать. Вспомнив уроки того преподавателя, она перебрала струны. Зазвучала мелодия Десять тысяч засад. Цинь Чжаочжао знала её лишь поверхностно, поэтому исполнение вышло неидеальным.

Однако Наньгун Сяосяо ощутила исходящие от музыки напряжение, азарт и пугающую жажду убийства. Она была потрясена до глубины души и едва не воскликнула, что перед ней настоящий талант. Но Цинь Чжаочжао опередила её, перехватив инициативу:

— Обе эти мелодии — знаменитые произведения из моих родных краёв. Дело не в моём мастерстве, а в гениальности композитора. Прошу прощения, что моё исполнение столь несовершенно.

Наньгун Сяосяо покачала головой:

— У тебя огромный талант, не стоит скромничать. Эта пипа действительно создана для тебя. У меня есть к тебе одна просьба, надеюсь, ты не откажешь.

Цинь Чжаочжао догадалась, что та хочет ноты. И действительно, не дожидаясь ответа, Наньгун Сяосяо добавила:

— Могу ли я купить у тебя эти ноты? Обещаю, что не буду их распространять, оставлю только для себя.

Цинь Чжаочжао было всё равно — не она же их написала, да и авторские права в этом мире культивации бессмертия никто не отслеживал. Но, погладив пипу в руках, она в душе вздохнула:

— Если старшей сестре нравится, я, конечно, подарю их. Но продавать... это было бы неловко. Вы только что подарили мне прекрасный инструмент, я должна ответить тем же. Но у меня нет ничего ценного, поэтому, раз уж вам так приглянулись эти ноты, считайте их ответным подарком.

Наньгун Сяосяо поспешно замахала руками:

— Нет-нет. Ты только что подарила мне эскиз редкого музыкального инструмента, я в ответ — пипу, а теперь ты даришь мне ноты... Я уже не знаю, как мне отблагодарить тебя.

Они долго спорили, но в конце концов Цинь Чжаочжао записала ноты, а Наньгун Сяосяо всучила ей в ответ мешочек для хранения.

Только она собралась проводить Цинь Чжаочжао, как заметила застывшего, словно статуя, Чжоу Юэ. Она нахмурилась:

— Ты почему здесь? Я беседую с младшей наставницей, а ты что, подслушивал?

Чжоу Юэ в испуге склонился, виновато оправдываясь:

— Наставница, не гневайтесь. Я проводил младшую наставницу до главного зала, вы так увлечённо беседовали, что я не посмел прервать вас...

Наньгун Сяосяо задумалась. И правда, когда она видела Цинь Чжаочжао, она напрочь забывала об ученике. Но их разговор не должен был стать достоянием общественности. Не то чтобы там было что-то постыдное, но талант её младшей сестры был слишком велик, чтобы вызывать ненужную зависть.

Она кивнула:

— Пожалуй, это моё упущение. Но ты должен поклясться, что ни слова не расскажешь о том, что слышал сегодня. Младшая сестра ещё совсем юна, я подарила ей пипу, потому что ценю её, но другие могут позавидовать, и это лишь навредит ей. Понимаешь?

Чжоу Юэ тут же принёс клятву внутренним демоном, что будет молчать. Только тогда Наньгун Сяосяо со спокойной душой проводила Цинь Чжаочжао.

У подножия пика Яоинь Наньгун Сяосяо снова наставила её:

— Чжаочжао, ты ещё мала и не знаешь, насколько опасен этот мир. В мире культивации много злых людей, поэтому никогда не хвастайся своим богатством, поняла?

На сердце у Цинь Чжаочжао стало тепло, она часто закивала:

— Поняла, старшая сестра, не волнуйтесь, я никогда не буду доставать эти вещи при посторонних.

Наньгун Сяосяо ласково потрепала её по голове, пожелала доброй ночи и ушла.

Вернувшись в свою пещеру, Цинь Чжаочжао погрызла маньтоу и, едва закончив с едой, почувствовала, как её одолевает сон. Сегодня она слишком долго общалась с Наньгун Сяосяо, вернулась уже полночь.

От усталости не хотелось ни о чём думать, но ежедневные задачи ещё не были выполнены. Превозмогая себя, она села в позу лотоса и начала практиковать технику Ваджры — тренировку тела нельзя было пропускать ни на день.

Не так давно Цинь Чжаочжао перешла на второй уровень, и теперь требовалось не только внешнее воздействие, но и внутренняя циркуляция духовной силы для закалки меридианов.

Время в мире культивации бессмертия летело быстро. Двенадцати часов в сутках казалось мало — столько нужно было выучить и отработать! Но Цинь Чжаочжао старалась выжимать максимум из каждой минуты. Она следовала принципу: если не учишься до смерти, учишься до полусмерти. В прошлой жизни, будучи мастером своего дела, она свято верила, что навыков много не бывает.

Луна висела в небе, словно изогнутый крюк, заливая всё вокруг призрачным холодным зимним светом. За пределами города Чаньюань под деревом стоял юноша в чёрном. Густая листва скрывала его от лунного света, погружая во тьму.

Спустя долгое время из тени бесшумно возник тёмный силуэт. Юноша вышел навстречу свету и произнёс:

— Наставник, вы опоздали. С вас сто духовных камней.

Силуэт замер, а затем материализовался в старика в серой одежде с винной тыквой в руках. Он невозмутимо сделал большой глоток и лениво ответил:

— Я твой наставник, как ты можешь требовать деньги с учителя? Неблагодарный ученик...

Юноша в чёрном молча закатил глаза — он знал, что старик снова начнёт увиливать, он вечно опаздывает.

— Говорите, где пропадали? Опять не вовремя... — он с явным пренебрежением покосился на старика.

Тот спрятал тыкву, поправил воротник и хмыкнул:

— Эй, что за тон? Разумеется, у меня были важные дела. Ладно, эта вылазка укрепила твой настрой, пошли...

Юноша хотел что-то возразить, но старик не дал ему шанса и исчез в ночной мгле. Юноше не оставалось ничего, кроме как последовать за ним.

Тьма постепенно рассеивалась, уступая место рассвету. Солнце поднималось над востоком, окрашивая небо в огненные цвета. Его свет был властным, но не обжигающим, пробуждая мир от сна.

Цинь Чжаочжао с трудом разлепила глаза. Она поспала всего два часа, но биологические часы сработали безупречно. Делать нечего — пришлось встать, поставить вариться кашу из духовного риса, а затем взяться за ежедневную тренировку с каменными дисками. Спустя полчаса она закончила и с помощью заклинания привела себя в порядок.

Поставив чашку с кашей на простой деревянный столик, она принялась листать записи на нефритовой пластине.

Чтобы экономить время на готовке, она смастерила себе кастрюлю из металлолома, найденного в Зале артефактов. Она добавила функцию таймера и защиту от выплёскивания, вдохновившись микроволновкой из прошлой жизни. Теперь не нужно было часами стоять у плиты.

Быстро позавтракав, она вымыла посуду и убрала её в шкаф. Вчера на рынке она купила много вещей, помимо необходимых — три предмета, которые её чем-то привлекли. Вчера не было времени их рассмотреть, самое время заняться ими сегодня.

На столе лежали три книги, обугленная палка и пучок сухой травы. Она взяла книгу под названием «Миражи» и начала листать. Содержание казалось самым обычным путевым дневником, но вчера она чувствовала исходящую от неё странную энергию.

В романах о культивации героям часто нужно было капнуть кровью на предмет, чтобы тот признал хозяина. Цинь Чжаочжао не знала, работает ли это, но решила попробовать. Уколов палец иглой, она выдавила каплю крови на обложку. Никакой реакции. Она нахмурилась и добавила ещё. Спустя десяток капель, когда кровь уже перестала течь, она сунула палец в рот, чтобы остановить кровотечение.

Посмотрев на пятна крови на книге, она разочарованно вздохнула. В книгах у главных героинь это работает всегда, почему же у неё — нет? Неужели прохожие персонажи не достойны удачи?

Но, присмотревшись, она заметила, что пятна крови стали чуть бледнее. Она замерла, вглядываясь внимательнее: кровь исчезала, причём очень медленно. Она отложила книгу и взяла в руки обугленную палку.

— Да что же это такое! Почему мне попадает только этот хлам — горелые палки, сухая трава и бесполезные книги? Где же моя удача? — простонала Цинь Чжаочжао, уткнувшись лицом в

стол.

Через некоторое время она выпрямилась. В левой руке — палка, в правой — сгусток духовного пламени из её собственного Даньтяня. Она медленно поднесла огонь к дереву, но то даже не потемнело. Глаза Цинь Чжаочжао вспыхнули — это уже интереснее.

Она зажала палку между ладонями и с обеих сторон направила духовное пламя, увеличивая его интенсивность, словно при ковке оружия. Прошло три часа. Когда её духовная сила была уже на исходе, обугленная оболочка дерева начала медленно осыпаться.

Видя, что успех близок, она сжала зубы и продолжила вливать энергию, даже не имея возможности принять восстанавливающую пилюлю — она поглощала духовную энергию прямо из воздуха.

Спустя ещё час оболочка полностью отпала. Перед ней лежала палочка, чуть толще обычной, с красно-золотым отливом, выглядевшая невероятно благородно.

Цинь Чжаочжао с помощью заклинания стёрла пот и почувствовала облегчение. Она хотела сжать духовную силу внутри себя, но... сегодня она поглотила слишком много энергии, дальнейшее сжатие могло повредить меридианы.

Не раздумывая, она выбежала на край обрыва, села в позу лотоса и начала прорыв. Поскольку обычно она слишком сильно сдерживала свою культивацию, в этот раз она совершила двойной прорыв подряд. Чувствуя, что энергия рвётся наружу, она поспешно распределила её по всем узловым точкам, закаляя меридианы, и наконец закрепила свой уровень на восьмой ступени стадии Ци.

<http://bllate.org/book/19058/1871022>